

КОНТИНУУМ

# Право вернуться

Книга первая



# Порог совмещения

Юрий Арден

Юрий Арден  
**Порог совмещения**

«Автор»

2026

## Арден Ю.

Порог совмещения / Ю. Арден — «Автор», 2026

Во время сложного опыта на физической установке Илья допускает тонкую ошибку. Приборы показывают невозможный отклик, пространство будто получает вторую геометрию, и в белой вспышке Илья исчезает. Его друг Максим остается свидетелем события. Илья приходит в себя в мире ремесленников, в городе печей и глины, который кажется развитым и сильным, но его порядок скрывает уязвимость: старые водные линии, стоки и нижние каналы давно требуют нового понимания. Когда болезнь начинает убивать детей, рабочих и подмастерьев, Илья пытается объяснить то, что местные не хотят слышать: болезнь идет не от наказания и не от дурного воздуха, а по воде. Несмотря на ряд архивных подтверждений доказать правду мало: нужно заставить город действовать. «Порог совмещения» — первая книга о человеке науки в мире, где мастерство есть, а науки еще нет. Победа над болезнью даст Илье место в мире мастеров, но одновременно поставит перед ним вопрос: что будет, если путь домой действительно существует?

© Арден Ю., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1 Последняя настройка	5
***	5
Глава 2. Чужая земля	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# Юрий Арден Порог совмещения

## Глава 1 Последняя настройка

\*\*\*



## Перед запуском

За сорок минут до запуска установка наконец начала вести себя так, будто понимала, чего от нее хотят.

Илья Артемьев стоял у центральной консоли, положив ладонь на край стола, и смотрел не на экран, а сквозь него. Для чужого глаза на мониторах было слишком много цифр, линий, тревожных желтых пометок и мелких графиков, чтобы различить в этом хоть какой-то порядок. Для Ильи порядок там был. Более того — он видел, где порядок держится, где уже начинает пружинить, а где его приходится удерживать не расчетом, а привычкой.

В пультовой было холодно. Система кондиционирования, рассчитанная больше на стойки электроники, чем на людей, гнала сухой воздух вдоль пола и заставляла мерзнуть пальцы. Вентиляторы за стеклом гудели ровно, без надрыва. Где-то в глубине комплекса работали насосы. Свет был белый, жесткий, бессонный. Такой свет не оставлял лицам никакого снисхождения.

— Второй канал опять пополз, — сказал Максим.

Он не повысил голос. В пультовой вообще не любили громких фраз: громкость создавала видимость события там, где событием должен был быть только факт.

Илья перевел взгляд на соседнее окно данных.

— Вижу.

— Удержится?

— Если четвертый не начнет гулять вслед за ним — удержится.

Максим Седов стоял у боковой консоли, чуть склонившись вперед, как человек, который давно привык читать приборы не глазами, а всем телом. Он был шире Ильи в плечах, спокойнее в движениях и внешне выглядел скорее инженером, чем ученым: короткая стрижка, темная кофта без всякой символики, рукава закатаны, на запястье старые часы с поцарапанным стеклом. Он не спорил, когда спор был не нужен, и не соглашался, когда видел, что человек рядом убеждает уже не его, а самого себя.

Поэтому Илья ценил его больше, чем многих блестящих докладчиков, умевших красиво рассказывать о чужой работе.

— Согласование по четвертому обновили? — спросил Максим.

— Да. Пять минут назад.

— Сам смотрел?

Илья не сразу ответил. Он сдвинул одно окно поверх другого, проверил строку статуса, затем вернул схему обратно.

— Сам.

Максим кивнул и больше не стал спрашивать.

В обычный день это было бы почти обидно: «сам смотрел?» звучало как сомнение. Но сегодня Илья был даже благодарен за вопрос. Перед большим запуском сомнение стоило дешевле уверенности. Дороже всего обходилась уверенность, которая возникала потому, что у человека не осталось сил сомневаться.

Эксперимент готовили почти девять месяцев, если считать только прямую подготовку, и несколько лет, если считать все предыдущие споры, расчеты, отказы, ремонты, пересогласования, ночные смены, испорченные датчики, чужие подписи и чужие обещания «дать окно на следующей неделе». Илья не любил слово «уникальный» — им обычно прикрывали плохо оформленную заявку или желание получить дополнительное финансирование. Но этот опыт действительно был не рядовым. Слишком много контуров сходилось в одной точке. Слишком много людей должны были одновременно не ошибиться.

Илья не боялся сложности. Он боялся людей вокруг сложности.

Сама установка была честнее. Если в ней что-то было не так, она в конце концов показывала это. Пусть не сразу. Пусть косвенно. Пусть через дрожание параметра, через запаздывание отклика, через грязный хвост на графике. Но показывала. С людьми было хуже: они могли говорить «да, конечно», имея в виду «я не понял»; могли обещать «готово», пока файл лежал не там; могли исправить одно и забыть сообщить, что сломали другое.

На экране мигнула зеленая метка предварительной готовности.

Илья выдохнул через нос.

— Ну что, — сказал Максим, — почти красиво.

— Не сглазь.

— Я физик. Мне нельзя сглазить.

— Тебе нельзя говорить «почти» за сорок минут до запуска.

Максим коротко усмехнулся.

Эта усмешка была почти роскошью. В последние сутки они спали по два часа, ели то, что приносили из автомата у проходной, и разговаривали так, будто лишние слова могли перегрузить систему не хуже неправильного параметра. Впрочем, с Максимом молчание было удобным. Они давно работали вместе и давно научились понимать, когда надо спросить, а когда лучше просто стоять рядом и не мешать человеку держать в голове слишком много связей.

Дверь пультовой открылась без стука.

Илья даже не повернулся сразу. По тому, как изменился звук помещения, он понял: вошел не техник. Техники входили быстрее и тише, потому что знали, зачем пришли. Этот шаг был административный — осторожный, но без чувства вины.

— Илья Сергеевич?

Илья закрыл глаза на полсекунды.

— Да.

У двери стоял Климов из проектного офиса: высокий, аккуратный, с планшетом в руках и выражением человека, который пришел «всего на минуту». Такие минуты, как правило, оказывались самыми длинными.

— Нужна финальная отметка по акту готовности. Там формальность, но без нее не пропустят закрытие этапа.

— Мы через сорок минут запускаемся.

— Я понимаю. Именно поэтому сейчас и надо.

Максим медленно повернул голову.

— Климов, это точно нельзя после?

— После будет уже поздно по регламенту.

Слово «регламент» повисло в воздухе с той особой тяжестью, какую имеют слова, не имеющие отношения к реальности, но способные ее испортить.

Илья снял очки, потер переносицу.

— Что именно?

Климов подошел ближе, но, к его чести, не полез к центральной консоли. Протянул планшет.

— Подтверждение, что изменения в схеме согласования внесены до запуска. Вот здесь. И здесь.

Илья посмотрел на экран планшета. Две галочки, поле электронной подписи, номер документа, длинная строка с названием этапа. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что перед ним не техническая схема, а бумажный фантом технической схемы. Там была не установка, а ее административное отражение.

— Изменения внесены, — сказал он. — Иначе мы бы сейчас здесь не стояли.

— Я верю. Но нужно подтвердить.

— Вера — плохой инструмент в экспериментальной физике.

Климов моргнул, не поняв, шутка это или предупреждение.

Максим протянул руку:

— Дай я подпишу как ответственный по диагностике.

— Нельзя. Нужен Артемьев.

Илья взял планшет. Большим пальцем пролистал документ вниз, не читая. Подписал.

— Все?

— Почти. Еще уточнение по списку присутствующих в зоне допуска.

Максим тихо сказал:

— Климов.

Тот поднял ладонь.

— Последнее. Правда.

Илья почувствовал, как внутри появляется сухое раздражение. Не вспышка, не злость, а именно сухость, как если бы у мысли отняли смазку. Он уже не находился целиком в конфигурации. Часть внимания ушла в людей, документы, списки, необходимость отвечать спокойным голосом. А чтобы вернуться обратно, нужно было заново пройти внутренний путь от общих допусков к конкретному сопряжению каналов.

Он ненавидел это чувство.

Не потому что был вспыльчивым. Вспыльчивость была бы проще. Он ненавидел сам факт потери непрерывности.

— Максим, — сказал он, не глядя на друга, — проверь пока хвост по второму.

— Уже смотрю.

— И лог по четвертому.

— Угу.

Климов что-то уточнял про фамилию одного из инженеров, который числился в зоне, но фактически находился этажом выше. Илья отвечал, одновременно слушая, как Максим щелкает клавишами у боковой консоли. В другой день он бы отрезал весь этот разговор за десять секунд. Сегодня почему-то терпел. Может быть, потому что до запуска оставалось слишком мало времени, чтобы устраивать войну из-за глупости. А может быть, потому что усталость делает человека не мягче, а экономнее: он выбирает не самый правильный способ, а тот, который быстрее закончится.

Когда Климов наконец ушел, дверь закрылась слишком громко.

В пультовой снова остались только гул, экраны и люди, понимающие цену минуты.

— Ты злой, — сказал Максим.

— Я нормальный.

— Нет. Нормальный ты занудный. Сейчас ты злой.

Илья вернулся к центральной консоли.

— По второму?

— Плывет, но в пределах. Четвертый ровный. Только проверь связку после административного счастья.

Илья кивнул.

Он снова вывел основную конфигурацию. Схема развернулась на экране сетью блоков, линий и числовых полей. Все было знакомо до боли. Он мог бы восстановить этот рисунок по памяти, как маршрут по квартире в темноте. И именно поэтому опасность была не в незнании. Опасность была в том, что знакомое начинало казаться уже проверенным.

Он прошел по первому контуру. Норма.

По второму. Дрейф, но допустимый.

По третьему. Чисто.

Четвертый держался ровнее, чем час назад.

Илья поймал себя на том, что хочет просто подтвердить запуск. Не потому, что все идеально. Идеально не бывает. Потому что система выглядела достаточно хорошей, а еще одна полная проверка съела бы окно, за которое они дрались три месяца.

Он откинул лишнее окно, открыл строку сопряжения и внес малую поправку.

Ничего опасного в ней не было. Отдельно — не было. Поправка возвращала один параметр ближе к расчетному центру, компенсируя тот самый дрейф, который заметил Максим. Такая коррекция выглядела не только допустимой, но и правильной.

Илья задержал палец над подтверждением.

В этот момент за его спиной кто-то из операторов спросил, не надо ли переносить отметку времени в общий лог вручную, потому что сервер синхронизации мигнул желтым.

— Не вручную, — ответил Илья, не оборачиваясь. — Через резервный канал. Максим?

— Сейчас.

Илья нажал подтверждение.

Строка моргнула зеленым.

Он посмотрел на нее еще секунду, потом закрыл окно.

— Потом на прогоне сверю, — сказал он почти беззвучно.

Максим не услышал.

До запуска оставалось двадцать шесть минут.

\*\*\*



## Окно запуска

Этого было много, если смотреть на часы, и почти ничего, если смотреть на схему.

Илья снова открыл закрытое окно сопряжения, задержал взгляд на зеленой строке подтверждения и тут же испытал раздражение уже не на Климова, не на регламент, не на людей, которые умели появляться в самый неподходящий момент, а на самого себя. Ему не понравилось, что он вернулся к этому параметру. Не понравилось само движение мысли: раз вернулся — значит, что-то зацепило. А если зацепило, надо было проверять не глазами, а полностью, с разворотом всей связки.

Он вывел зависимые каналы.

Второй держался чуть выше расчетного центра, как и раньше. Третий был чист. Четвертый выглядел ровно. Слишком ровно — сказал бы человек, который хотел найти повод отложить запуск. Но повода не было. Установка не обязана была вести себя плохо только для того, чтобы оправдать усталость экспериментатора.

— Что там? — спросил Максим.

— Ничего.

— “Ничего” каким тоном?

— Нормальным тоном.

— У тебя на “нормальном тоне” три режима. Сейчас какой?

Илья не улыбнулся, но раздражение слегка отступило. Максим умел делать это почти незаметно: не успокаивать, не подбадривать, не произносить тех пустых слов, которые говорят люди, не понимающие процесса, а просто возвращать человека в рабочий ритм.

— Проверяю связку после поправки, — сказал Илья.

— Полной прогонкой?

— Быстрой.

Максим замолчал.

Это молчание было хуже прямого возражения.

Илья повернул голову:

— Что?

— Ничего.

— Максим.

— Полная заняла бы шесть минут.

— Семь с половиной. И мы вылезем из окна.

— Из окна мы вылезем, если потом будем собирать все по кускам.

— У нас нет признака аварийного режима.

— У нас есть усталые люди и поправка в последний час.

Илья посмотрел на него уже прямо.

— Ты предлагаешь переносить запуск?

— Я предлагаю не делать вид, что ты не знаешь, почему я спрашиваю.

Несколько секунд они молчали. За стеклом в соседнем помещении техник что-то говорил в гарнитуру, не слыша их. На одной из нижних панелей шла медленная запись температурного хвоста. Зеленые метки готовности стояли почти везде. Слишком много месяцев работы, слишком много ночей и согласований, слишком много чужого ожидания сходилось сейчас к одному небольшому спору между двумя людьми, которые оба понимали: прав может быть каждый, но решение все равно придется принять одному.

Илья снова посмотрел на экран.

— Быстрая прогонка, — сказал он. — Потом контроль на фазе входа. Если второй уйдет выше, гасим.

Максим не сразу ответил.

— Запиши это в голосовой лог.

— Что именно?

— Условие гашения.

Илья нажал кнопку записи.

— До запуска двадцать пять минут. Условие ручного гашения: уход второго канала выше верхней расчетной границы на фазе входа или несогласованный отклик четвертого контура после первичного сжатия. Ответственный — Артемьев.

Он отпустил кнопку.

— Доволен?

— Нет, — сказал Максим. — Но мне стало спокойнее.

— Это разные вещи?

— Обычно да.

Илья провел быструю прогонку. Схема ответила предсказуемо. Второй канал показал тот же небольшой дрейф, четвертый подтвердил согласование, третий остался чистым. Никаких красных меток. Никакого нештатного предупреждения. Ничего, что можно было бы предъявить себе как основание остановиться.

В этом и заключалась неприятность: опасность редко имела приличие заранее объявляться красным цветом.

В пультуевой начали меняться люди. Те, кто до этого еще мог ходить, вставать, переговариваться, теперь занимали места окончательно. Кто-то закрыл бутылку с водой и убрал ее под стол. Кто-то последний раз проверил связь с удаленной диагностикой. Один из операторов попросил подтвердить чистоту временной метки. Максим ответил за него, коротко и спокойно.

Илья слушал все это фоном. Он привык перед запуском разделять внимание на уровни. На верхнем — люди, фразы, команды, счет времени. Ниже — параметры. Еще ниже — собственное тело: холодные пальцы, сухость во рту, напряжение в спине. Тело мешало, но иногда спасало. Если что-то шло не так, оно часто понимало это раньше мысли.

Сейчас тело молчало.

Или Илья просто не хотел его слушать.

— Двадцать минут, — сообщил сменный оператор.

На большом экране появилась общая схема запуска. Не та подробная, с которой работал Илья, а укрупненная, почти красивая: блоки, линии, стрелки, зоны контроля. В таком виде установка выглядела послушной и разумной. Илья не любил эту картинку. Она была сделана для докладов, не для работы. В ней не было ни грязных хвостов, ни температурных запаздываний, ни капризов датчиков, ни того мелкого инженерного зла, из которого на самом деле состояла экспериментальная физика.

Максим, не поворачиваясь, сказал:

— После запуска не геройствуй.

— Это ты себе?

— Тебе. Я геройствую тише.

— Ты просто медленнее.

— Зато меня потом легче чинить.

Илья все-таки усмехнулся.

Эта короткая, почти ненужная шутка вдруг показалась ему странно человеческой среди холодного света и цифр. Через несколько минут они должны были начать опыт, ради которого столько людей столько раз делали вид, что понимают риск. Но на самом деле риск понимали только те, кто сидел сейчас перед экранами и видел не заявку, не этап, не публикацию и не отчет, а живую систему, у которой всегда оставалось право на собственное поведение.

— Пятнадцать минут.

Илья открыл личный блокнот настроек. Не бумажный, конечно, а внутреннюю таблицу, которую вел отдельно от официальных логов. Там были не только параметры, но и замечания, которые нельзя было красиво вставить в отчет: “не нравится хвост”, “после охлаждения ведет себя лучше, чем должна”, “повторить, если дадут время”, “не верю третьему датчику”. Ученые, конечно, должны были доверять измерениям. Но хороший экспериментатор знал: доверие начинается не с показаний, а с понимания того, как именно прибор способен соврать.

Он внес последнюю строку:

Перед входом: второй канал — дрейф в пределах. Четвертый стабилен. Поправка принята. Контроль на фазе входа.

Слово “поправка” ему не понравилось.

Он стер строку и написал иначе:

Компенсация дрейфа принята. Контроль на фазе входа.

Так было точнее. И почему-то спокойнее.

— Ты сейчас редактируешь личный лог? — спросил Максим.

— Да.

— За десять минут до запуска?

— За четырнадцать.

— Это меняет дело.

— Сильно.

— Тогда ладно.

Они снова замолчали.

За следующие десять минут пультовая окончательно перестала быть комнатой и стала продолжением установки. Люди говорили только по делу. Время от времени звучали подтверждения:

— Контур охлаждения — готов.

— Вакуумная группа — готовность подтверждена.

— Диагностика первого ряда — готова.

— Синхронизация — в норме.

— Защиты — активны.

Каждая фраза была маленьким кирпичом в стене, которую они возводили между собой и хаосом. Илья слушал, отмечал, сверял. Система складывалась.

Когда до запуска осталось пять минут, он вдруг понял, что больше не злится.

Раздражение ушло. Осталась пустая, холодная собранность, ради которой он, наверное, и любил такие моменты. В обычной жизни человек распадается на десятки мелких обязанностей, голосов, обещаний, обид, писем, чужих вопросов. Перед запуском все лишнее сгорает. Остается только то, что либо работает, либо нет.

— Максим.

— Да.

— Второй?

— Чуть выше середины. Без ускорения.

— Четвертый?

— Ровный.

— Лог?

— Чистый.

— Резерв?

— Поднят.

Илья кивнул.

На главном экране пошел обратный отсчет. Еще не тот, который произносят вслух для красоты, а внутренний, рабочий: последовательность автоматических подготовительных операций. Установка уже начала двигаться к опыту сама, по заранее утвержденному маршруту. Пока еще можно было остановить все без последствий. Через несколько минут остановка тоже останется возможной, но уже не бесплатной. Потом наступит короткий участок, где любая ошибка станет не решением человека, а свойством процесса.

— Три минуты, — сказал оператор.

Илья положил правую руку на край консоли. Левая осталась у клавиатуры аварийного контроля. Он не думал о том, что делает это почти ритуально. У каждого экспериментатора были свои суеверия, только называли они их рабочими привычками.

Максим взглянул на него боковым зрением.

— Ты опять рукой стол держишь.

— Чтобы не убежал.

— Стол?

— Эксперимент.

— Поздно. Он уже все понял.

Илья хотел ответить, но в этот момент на экране мигнула желтая точка.

Не тревога. Не ошибка. Просто отметка переходного состояния.

Он автоматически открыл подробности. Второй канал. Тот самый. На долю секунды ушел вверх чуть резче, чем в быстрой прогонке, потом вернулся.

— Видел? — спросил Максим.

— Видел.

— Повторится — гасим?

Илья смотрел на хвост графика. Он не нравился ему. Но он не нарушал условия, которое он сам записал в голосовой лог. Он был слишком мал, чтобы стать основанием для остановки. Слишком заметен, чтобы его забыть.

— Повторится выше границы — гасим, — сказал Илья.

Максим ничего не ответил.

— Две минуты.

Теперь комната стала совсем тихой.

Илья слышал, как кто-то за спиной сглотнул. Услышал собственное дыхание. Услышал далекий низкий гул, которого раньше не замечал: не новый звук, а скорее сумма многих уже известных звуков, совпавших в один. Он подумал, что, наверное, это и есть настоящий голос установки — не тот, который пищут датчики, а тот, который возникает в голове у человека, слишком долго сидящего рядом с машиной.

— Одна минута.

На последней минуте ничего не случилось.

Именно это потом будет казаться Максиму особенно невыносимым.

Ни красной тревоги, ни срыва, ни крика, ни явного знака. Все было почти правильно. Чуть не идеально, но достаточно хорошо. Люди потом любят спрашивать, где была точка, в которой все еще можно было остановить. Они представляют себе такую точку как дверь с надписью, рычаг, красную лампу, последнюю ясную возможность. В реальности она чаще выглядит как желтая точка, которая мигнула и погасла, не нарушив инструкции.

— Десять секунд, — сказал оператор.

Илья убрал все лишние окна. Оставил только основные каналы и аварийную панель.

Максим тихо произнес:

— Работаем.

Илья кивнул.

— Пять.

На экране первый контур перешел в активное состояние.

— Четыре.

Второй канал держался.

— Три.

Четвертый оставался ровным.

— Два.

Илья вдруг вспомнил фразу Климова: “формальность, но без нее не пропустят закрытие этапа”. Мысль была нелепой, посторонней, совершенно неуместной. Он тут же вытолкнул ее из головы.

— Один.

Система вошла в фазу запуска.

Первые показания были чистыми.

Даже слишком чистыми.

— Вход штатный, — сказал Максим.

— Вижу.

На графиках пошел рост. Не резкий, не аварийный, а красивый, почти учебный. Первый контур лег в расчетную кривую. Второй немного отставал, потом подтянулся. Четвертый держал согласование. Третий оставался пустым, как и должен был.

Илья почувствовал, как внутри медленно отпускает зажатая пружина.

Не полностью. Полностью он бы себе не позволил. Но на несколько секунд ему стало ясно: запуск они прошли.

— Фаза входа подтверждена, — сказал оператор.

Максим выдохнул.

— Ну вот.

Илья не ответил.

Он смотрел на третий канал.

Там, где должна была быть чистая линия, появилась едва заметная рябь.

Слишком маленькая, чтобы быть событием.

Слишком правильная, чтобы быть шумом.

— Максим, — сказал Илья.

— Вижу.

Рябь исчезла.

Они оба молчали еще секунду.

Потом она появилась снова.

Уже на другом масштабе.

И на этот раз система отметила ее сама.

Желтым. Пока только желтым.

— Это что? — спросил кто-то за спиной.

Илья не ответил.

Он уже открывал подробности третьего канала, чувствуя, как холод из пультовой вдруг становится не температурой воздуха, а свойством происходящего.

На экране возник отклик, которого в этой фазе быть не должно было.

Не могло быть.

И самое плохое было в том, что он был устойчивым.

\*\*\*



## Невозможный канал

Не дрожь наводки. Не паразитный всплеск от соседнего контура. Не короткая игла, которую потом можно будет вычистить из данных и забыть, ругнувшись на экранировку. Отклик стоял. Тонкий, почти незаметный на общем масштабе, но уже имеющий форму.

У шума формы не бывает.

— Максим, третий на расширение, — сказал Илья.

— Уже.

На соседнем экране окно развернулось до полной ширины. Линия, только что похожая на случайную рябь, вытянулась в плавный изгиб, потом дала второй зубец. Не высокий, не аварийный. Просто невозможный.

Илья ощутил, как мир вокруг сужается до нескольких графиков и двух голосов: своего и Максимова. Остальные в пультовой еще не поняли, что происходит. Для них желтая метка была поводом ждать команды. Для Ильи — нарушением внутренней картины опыта.

— Диагностика третьего ряда? — спросил оператор.

— Не трогать, — резко сказал Илья. — Ничего не перенастраивать.

— Подтвердите: это сбой диагностики?

Илья не ответил сразу.

Сбой диагностики был самым удобным объяснением. Он всегда приходил первым, как плохой, но вежливый гость: «я все объясню, только не задавайте мне лишних вопросов». Слишком ранний отклик. Плавающая земля. Срыв синхронизации. Ошибка временной метки. Наводка. Любая из этих причин была бы неприятной, но понятной.

Только ни одна не давала такой формы.

— Максим?

— Временная метка чистая, — сказал тот. — Земля чистая. Первый ряд не видит ничего похожего. Второй молчит.

— Тогда почему третий видит?

— Я надеялся, ты скажешь.

Илья вывел на экран наложение каналов. Первый контур шел по расчету. Второй держался чуть выше центра, но не критично. Четвертый сохранял согласование. Третий, который должен был оставаться пустым до следующей фазы, показывал слабый, но нарастающий отклик.

Он был не просто преждевременным. Он был как будто ответом на процесс, которого в установке еще не было.

— Стоп, — сказал Илья тихо.

Максим повернул голову.

— Что?

— Он не опережает фазу.

— А что он делает?

Илья увеличил окно и быстро пересчитал задержку по времени. Потом еще раз. На секунду ему показалось, что он ошибся масштабом. Он проверил единицы. Нет.

— Он не раньше приходит, — сказал Илья. — Он приходит от другого условия.

Максим медленно выпрямился.

— Повтори.

— Это не преждевременный отклик. У него другая зависимость. Он не из нашего режима.

Сзади кто-то не выдержал:

— Что значит «не из нашего»?

Илья снова не ответил. На такие вопросы нельзя было отвечать сразу. Слова, сказанные в пультовой в момент нештатного режима, потом жили дольше самой аварии. Они попадали в логи, в объяснительные, в памяти людей, в следствие. Нужно было говорить только то, за что потом можно отвечать.

Но сейчас он впервые за весь день не знал, какие слова достаточно точны.

— Уход второго? — спросил Максим.

— В пределах.

— Четвертый?

— Держит.

— Тогда откуда связь?

— Вот это и вопрос.

Желтая метка на общем экране мигнула еще раз. Потом рядом с ней появилась вторая. Уже не по третьему каналу, а по синхронизации расчетного окна.

Оператор резко вдохнул.

— Несогласование по окну.

— Вижу, — сказал Максим.

— На сколько? — спросил Илья.

— Пока мало. Но растет.

Илья открыл аварийную панель. Пальцы сами нашли нужные поля. Ручное гашение. Подтверждение условия. Подтверждение ответственного. Еще ничего не требовало немедленного сброса. Именно это было отвратительно: установка не кричала. Она аккуратно, почти вежливо, уходила туда, где у них не было заранее написанных правил.

— Гасим? — спросил Максим.

Илья посмотрел на второй канал. Он не нарушал записанное условие. Посмотрел на четвертый. Тот оставался ровным. На третий. Невозможный отклик продолжал расти, но еще не был аварией в формальном смысле.

— Нет, — сказал он. И сразу понял, что это слово слишком окончательное. — Пока нет. Десять секунд наблюдения.

Максим ничего не сказал.

Но Илья услышал это молчание.

Десять секунд в обычной жизни ничего не значат. В эксперименте они могут быть осторожностью, трусостью или ошибкой — в зависимости от того, что произойдет на одиннадцатой.

На третьей секунде отклик на третьем канале изменил форму.

Он не вырос резко. Не сорвался. Просто в нем появилась структура: повторяющаяся, тонкая, как след чужого расчета внутри их графика. Илья вдруг увидел в этой линии не шум, не сбой, не дрейф, а согласованность.

Ему стало холодно.

— Максим, сними сырые данные третьего до фильтра.

— Пишу.

— Не через основной лог. Отдельно.

— Уже отдельно.

Вот за это Илья и ценил Максима. Тот понимал, когда надо нарушать красивый порядок хранения ради настоящих данных.

— Несогласование окна растет, — сказал оператор. — Переходит в оранжевую зону.

На главном экране желтая метка сменилась оранжевой.

Теперь пультовая поняла.

Люди перестали быть фоном. Кто-то задвигал креслом, кто-то начал говорить в гарнитуру быстрее, кто-то спросил подтверждение у соседней группы. В воздухе появилась первая настоящая нервозность — не страх, еще нет, а коллективное понимание, что штатная реальность закончилась.

— Ручное гашение готово, — сказал Максим.

— Подтверждаю, — ответил Илья.

Он уже держал палец над командой.

Но перед тем как нажать, посмотрел на третий канал еще раз.

Нельзя было этого делать. В аварии не смотрят на красоту данных. В аварии гасят. Потом разбираются. Так говорят инструкции. Так говорят разумные люди. Так он сам говорил аспирантам, когда они пытались «еще секунду посмотреть».

Но то, что стояло на экране, не было аварией в привычном смысле.

Оно было ответом.

Не метафорически. Не эмоционально. Физически.

Установка как будто получила отклик от системы, которой не было в модели. И этот отклик имел задержку, форму и устойчивость. Он вел себя так, будто где-то рядом с их процессом существовал второй, сопряженный, но не совпадающий с ним.

Илья нажал гашение.

Команда ушла.

На экране возникла короткая строка подтверждения.

Ручное гашение принято.

И в ту же секунду второй канал дернулся вверх.

— Вот теперь выше, — сказал Максим.

Он не успел договорить.

Четвертый контур, до этого державшийся почти идеально, дал резкий несогласованный всплеск. Не такой, какой должен был быть при перегрузке. Не такой, какой давали сбои питания. Слишком гладкий. Слишком чистый.

— Гашение не проходит, — сказал оператор.

— Не может не проходить, — сказал кто-то другой.

— Оно принято, но процесс не падает.

Илья уже видел.

Команда гашения была принята системой, но не событием. Это была невозможная, почти смешная мысль: они приказали установке остановиться, а то, что возникло внутри нее, больше не было установкой в полном смысле слова.

— Отсечь питание входного контура, — сказал Илья.

— Подтвердите аварийное отсечение?

— Подтверждаю.

— Артемьев, это повредит блок.

— Отсечь.

Максим повторил жестче:

— Отсечь входной.

Оператор выполнил команду. На общей схеме один из блоков ушел в красный. Потом второй. Система начала закрывать контуры, как должна была.

Но третий канал не исчез.

Он стал ярче.

Не на экране — на экране он просто вырос. Ярче стало в ощущении.

Илья не сразу понял, что слышит новый звук. Он был слишком низким, почти не звуком, скорее давлением в костях. Вентиляция продолжала гудеть, люди говорили, реле щелкали в стойках, но под этим появился другой слой — ровный, упругий, как будто где-то очень далеко натягивали гигантскую струну.

— У вас тоже... — начал кто-то.

— Молчать, — сказал Максим.

Он сказал это не громко, но все замолчали.

Илья смотрел на экраны. Цифры начали расходиться с физическим чувством помещения. Телеметрия показывала спад в одних контурах, рост в других, несогласование времени, невозможное сохранение третьего отклика и странное поведение четвертого, который теперь не просто держал связь, а как будто служил ей опорой.

— Илья, отойди от консоли, — сказал Максим.

— Зачем?

— Потому что мне не нравится поле у центрального стола.

— У нас нет поля у центрального стола.

— Теперь есть.

Илья наконец поднял глаза от экрана.

Сначала он ничего не увидел.

Потом понял, что край центральной консоли двоится. Не в глазах — он не испытывал головокружения. Двоился сам край: тонкая светлая линия проходила чуть выше настоящей поверхности, не совпадая с ней на несколько миллиметров. Воздух над панелью казался плотнее, чем должен был. Как над раскаленным асфальтом, только в пультовой было холодно.

— Все назад, — сказал Максим уже громче. — От центральной зоны.

Илья не двинулся.

Он видел экран.

Третий канал развернулся в структуру, которую он не мог назвать иначе как второй геометрией. Не картинкой. Не изображением. Но набор зависимостей вдруг сложился так, словно их установка на мгновение начала решать задачу с другим набором граничных условий. Слишком близким к их собственному, чтобы быть случайным. Слишком отличным, чтобы быть ошибкой.

В голове мелькнула дикая, недопустимая формулировка:  
другое решение.

Он сам бы высмеял любого, кто произнес бы это на семинаре.

— Илья! — Максим уже шел к нему.

Оранжевые метки на экране начали краснеть одна за другой.

— Несогласование времени критическое!

— Питание входного отсечено!

— Третий канал растет!

— Четвертый не отвечает на сброс!

Голоса снова разорвали пультовую.

Илья сделал шаг назад от консоли. Хотел сделать. Ему показалось, что он сделал.

Но пол под ногой оказался чуть ниже, чем должен был быть.

На мгновение он потерял равновесие и схватился за край стола. Ладонь легла на поверхность, а ощущение пришло с запозданием, будто тело и мир договорились друг с другом не сразу.

Максим был уже рядом.

— Отходи.

— Максим, это не авария.

— Конечно не авария. Поэтому отходи.

— Ты не понимаешь...

— Потом пойму. Живой отойдешь — объяснишь.

Илья хотел ответить. И в этот момент увидел на экране то, что потом, если бы у него было «потом», он назвал бы невозможным совпадением фаз. Третий канал и четвертый контур легли друг на друга так чисто, будто две разные системы на короткий миг признали одну и ту же точку общей.

А потом помещение изменилось.

Не осветилось. Не вздрогнуло. Именно изменилось.

Стекло между пультовой и технической зоной стало одновременно ближе и дальше. Контуры людей поплыли, но не размазались, а как будто получили вторую кромку. Звук исчез на долю секунды, затем вернулся с неправильной стороны. Илья почувствовал запах мокрой глины.

Это было самым страшным.

Не озон. Не горелая изоляция. Не перегретый металл.

Мокрая глина.

— Что за... — прошептал Максим.

Илья повернул голову к нему.

Лицо Максима было совсем рядом, резкое, испуганное уже не за установку, а за него.

— Назад! — крикнул Максим.

Илья наконец отпустил стол.

Слишком поздно.

Белая линия прошла через воздух между ними, не как луч, а как разрез, который не имел толщины. На мгновение Илья увидел за ней что-то темное, теплое, не лабораторное: охристую стену, скошенный свет, округлую тень большого сосуда.

Потом все стало белым.

Но перед тем, как белизна погасила зрение, Илья успел подумать не о смерти и не о страхе.

Он подумал:

**Такого канала в установке нет.**

\*\*\*



### Кувшин

Эта мысль оказалась последней цельной вещью, которую Илья успел удержать.

Потом белизна перестала быть светом и стала средой. Она не ударила в глаза, не обожгла, не ослепила обычным образом. Она вошла сразу во все чувства, вытеснила звук, холод, вес тела, запах пультавой, даже боль в пальцах, которыми он секунду назад сжимал край консоли. Илья не падал и не стоял. Он как будто был снят с места вместе со всем, что называлось “здесь”.

Максим потом много раз пытался восстановить эту долю секунды.

Он помнил не все. Человеческая память в такие моменты работает странно: не записывает непрерывную картину, а вырывает из нее отдельные куски, слишком резкие, чтобы их забыть, и слишком бессмысленные, чтобы сразу понять.

Он помнил белую линию между собой и Ильей.

Помнил, что линия не светилась как дуга и не была как разряд. Она просто была — тонкая, невозможная, как разрез в воздухе.

Помнил лицо Ильи. Не испуганное. Сосредоточенное. Почти злое от того, что происходящее не успевало стать понятным.

Помнил собственный шаг вперед.

И помнил, что не успел.

Белизна вспыхнула не взрывом, а провалом. В пультовой на мгновение исчезли тени. Экраны потеряли цвет. Стекло между помещениями стало молочным. Кто-то закричал, но звук оборвался так резко, будто воздух на долю секунды забыл, как его переносить.

Максим рванулся к центральной консоли и наткнулся на пустоту.

Ильи там уже не было.

Не лежал на полу. Не отлетел назад. Не был закрыт вспышкой, дымом или обломками.

Его просто не было в том месте, где секунду назад он стоял.

Максим не сразу понял это как факт. Мозг еще пытался собрать привычную картину аварии: человек должен был упасть, зацепиться, быть отброшенным, закрыться корпусом стола, уйти из поля зрения. Но Илья не мог исчезнуть из поля зрения так, чтобы вокруг не осталось ни траектории, ни следа, ни тела.

— Илья! — крикнул Максим.

И в ту же секунду что-то тяжелое возникло в воздухе над полом.

Не появилось постепенно. Не выдвинулось из света. Не “материализовалось” так, как это показывали в плохих фильмах. Просто в месте, где еще держалась белая пустота, вдруг оказался чужой объем.

Большой глиняный кувшин.

Максим увидел его слишком ясно.

Округлое пузатое тело. Узкое горло. Две массивные ручки. Грубоватая, но уверенная форма. Цвет сырой охры с темными подпалинами от неравномерного обжига. На боку — темная метка, будто вдавленная в глину до обжига: знак, похожий на разомкнутый круг с короткой чертой внутри.

Кувшин висел в воздухе не дольше удара сердца.

Потом упал.

Удар о пол был страшно настоящим.

Глина раскололась с сухим грохотом, совсем не похожим на звук лабораторной аварии. Не металл. Не стекло. Не пластик. Древний, бытовой, нелепый звук разбитой вещи, которой не должно было быть в стерильном помещении экспериментального комплекса.

Осколки разлетелись по полу. Один ударил Максима по ботинку. Другой, крупный, скользнул к ножке консоли и остановился почти у его руки. Из разбитого горла выплеснулась мутная вода или что-то похожее на воду — немного, не больше стакана. По гладкому полу потекла темная полоска, оставляя за собой запах.

Мокрая глина.

Теперь этот запах был не ощущением Ильи и не странностью аномалии. Он был реальным. Землистым. Холодным. Неприлично живым среди пластика, металла, кабелей и экранов.

Кто-то за спиной Максима выругался.

Потом пультовая взорвалась голосами.

— Где Артемьев?!

— Медиков сюда!

- Отключить питание!
- Все назад от центральной зоны!
- Что это было?!
- Не трогать осколки!
- Где он?!

Максим стоял неподвижно.

Он слышал все, но не мог заставить себя ответить. Его взгляд был прикован к пустому месту перед консолью и к осколкам кувшина. Разум еще не выбирал между ними. Пустое место говорило о потере. Осколки — о невозможности.

Именно осколки делали происходящее хуже.

Если бы Илья просто исчез во вспышке, это можно было бы назвать аварией. Страшной, странной, не до конца объясненной, но все же аварией. Взрыв. Испарение. Ошибка регистрации. Тело не найдено из-за экстремального энерговыделения. Следствие подберет слова. Комиссия построит версию. Люди научатся говорить о случившемся так, чтобы дальше жить.

Но кувшин был здесь.

Большой, разбитый, чужой, мокрый.

Его нельзя было списать на показания датчиков. Нельзя было вычистить из логов. Нельзя было объяснить сбоем временной метки.

Он лежал на полу.

Максим медленно опустил на одно колено.

— Не трогай! — крикнул кто-то.

Он не тронул.

Просто смотрел.

Крупный осколок у ножки консоли был толщиной почти в палец. На изломе глина оказалась темнее, чем снаружи. Внутри виднелись мелкие светлые включения, песок или дробленый камень. Поверхность была неровной, но не грубой: вещь делали руками, которые знали, что делают. Не сувенир. Не археологическая подделка. Не случайная посуда.

Рабочий предмет.

Максим почему-то понял это сразу.

— Седов, назад!

Это был голос начальника смены. Или оператора. Или кого-то еще, кто уже пытался вернуть миру управляемость.

Максим поднялся.

— Он был здесь, — сказал он.

— Кто?

— Илья. Он был здесь.

— Мы видели. Отойди от зоны.

— Нет. Вы не поняли.

Он сам слышал, как странно звучит его голос. Слишком ровно. Слишком спокойно для человека, у которого на глазах исчез друг.

Максим показал на кувшин.

— Это появилось после.

Несколько человек одновременно посмотрели на осколки так, будто увидели их впервые.

До этой секунды каждый видел главное по-своему: вспышку, аварийные метки, исчезновение человека, угрозу установки, нарушение режима. Кувшин был настолько неуместен, что сознание отталкивало его, как ошибку восприятия. Но теперь, когда Максим сказал вслух, предмет стал фактом для всех.

— Что значит “появилось”? — спросил кто-то.

Максим повернулся к экрану.

Часть мониторов еще работала. На них висели красные и оранжевые блоки, обрывы логов, неполные команды гашения, застывшие графики. Третий канал был пуст. Не просто ушел к нулю — исчез так чисто, будто его и не было. Четвертый контур показывал некорректное состояние. Синхронизация времени мигала серым.

Илья не было.

Кувшин был.

— Закрыть помещение, — сказал Максим.

На него посмотрели.

— Что?

— Закрыть помещение. Никого не выпускать без фиксации. Сохранить все логи. Сырые данные третьего канала — отдельно. Не перезаписывать буферы. Осколки не трогать голыми руками. Воду собрать отдельно. Все камеры — в архив немедленно.

— Седов, ты сейчас не руководишь сменой.

— Тогда пусть руководит тот, кто понимает, что у нас на полу лежит.

Его голос сорвался только на последнем слове.

Он сам почувствовал это и замолчал.

Несколько секунд никто не говорил. Потом, как ни странно, именно это молчание подействовало лучше приказа. Люди начали двигаться. Один оператор полез в систему архивирования. Другой вызвал службу безопасности и медиков. Техник, уже нагнувшийся к осколкам, замер, выругался и отступил. Кто-то поставил временное ограждение из того, что нашлось под рукой.

Мир пытался вернуться в форму.

Максим не вернулся.

Он смотрел на место, где исчез Илья, и думал о последней фразе, которую тот не успел произнести. Или произнес, но звук утонул в белизне. Он видел губы Илья, помнил напряжение лица, помнил этот взгляд — не человека, который умирает, а человека, который в последнюю секунду все еще пытается понять.

Это было невыносимо.

Потому что Максим знал: если бы Илья успел понять, он бы сказал.

И если не сказал — значит, это должен сделать кто-то другой.

На полу темнела лужица из разбитого кувшина. В ней отражалась красная аварийная метка с главного экрана. Отражение дрожало от шагов людей.

Максим медленно достал из кармана телефон, потом остановился. Фотографировать было нельзя. Не потому что запрещено — сейчас все запреты уже потеряли прежний смысл. Просто он вдруг понял, что первое доказательство должно быть не снимком, сделанным дрожащей рукой, а правильно сохраненным фактом. Камеры помещения, протокол, логи, пробы, осколки, свидетели.

Иначе потом это назовут чем угодно.

Массовой ошибкой.

Посторонним предметом.

Нарушением режима.

Психологической реакцией на аварию.

Он знал, как работает система, когда ей нужно не понять, а закрыть.

— Максим, — тихо сказал кто-то рядом.

Он повернулся. Это была Елена Миронова из диагностической группы. Бледная, с гарнитурой в руке, она смотрела не на него, а на пустое место у консоли.

— Он... — начала она и не договорила.

Максим покачал головой.

— Я не знаю.

Это была первая честная фраза после вспышки.

Потом он добавил:

— Но это не гибель в обычном смысле.

Елена наконец посмотрела на него.

— Ты откуда знаешь?

Максим поднял крупный осколок взглядом, не рукой.

— Потому что вместо него пришла вещь.

Он сказал это и сам услышал, как невозможная мысль стала предложением, почти гипотезой.

Вместо него пришла вещь.

Не после него.

Не рядом.

Вместо него.

В пультовую вошли люди службы безопасности. Следом — медики, которые сразу растерялись, потому что искать раненого было негде. Начались вопросы, команды, попытки отодвинуть всех от центральной зоны. Кто-то требовал записи с камер. Кто-то ругался по внутренней связи. Кто-то повторял фамилию Ильи так, будто от повторения человек мог снова появиться в комнате.

Максим отступил на шаг, потом еще на один.

Он должен был сесть. Должен был дать объяснения. Должен был сам не мешать тем, кто сейчас будет превращать невозможное в отчет.

Но он все еще смотрел на осколки.

На одном из них, самом крупном, уцелела часть темного знака: половина разомкнутого круга и короткая вдавленная черта.

Максим запомнил его.

Не потому, что понимал значение.

Потому что больше пока не мог сделать ничего.



## Глава 2. Чужая земля



### У старого колодца

Первым вернулся звук.

Не голос Максима. Не короткий вой аварийной сирены. Не сухой треск разрядников, не низкое гудение магнитной системы, которое Илья знал так хорошо, что мог отличить рабочий режим установки по вибрации пола.

Нет.

Где-то совсем близко капала вода.

Кап. Кап. Кап.

Илья не открыл глаза сразу. Сознание поднималось тяжело, рывками, будто кто-то вытаскивал его из глубокой воды и каждый раз выпускал за секунду до вдоха. В голове билось одно и то же: запуск, вспышка, ошибка, Максим.

Потом пришла боль.

Она сидела в затылке плотным горячим комком. Не просто болела — давила изнутри, будто череп стал слишком мал для головы. От этой боли расходилась тупая ломота в шею, плечи, ребра. Илья попытался вдохнуть глубже и закашлялся.

Воздух пах не озоном, не пластиком, не горячей изоляцией.

Сырой землей.

Холодным камнем.

Глиной и водой.

Он открыл глаза.

Над ним было не потолочное перекрытие пультовой, не белые панели аварийного освещения, не решетки кабельных трасс. Над ним было небо.

Светлое, высокое, равнодушное небо с медленно плывущими облаками.

Илья несколько секунд смотрел вверх и не понимал, почему эта картина не складывается ни в одну допустимую версию случившегося. При аварии его могли отбросить. Могло выбить сознание. Могла сработать система пожаротушения, могли отключиться основные линии, могла рухнуть часть перекрытия. Но настоящее открытое небо не имело права оказаться над ним.

Он резко попытался сесть.

Мир тут же качнулся.

Желудок дернулся, перед глазами вспухли темные пятна. Илья инстинктивно выставил руку, чтобы не упасть обратно, и ладонь скользнула по мокрому камню. Тело повело в сторону. Он ударился плечом о что-то твердое и только тогда понял, что лежит не просто на земле.

Под боком была вытоптанная площадка, уплотненная до каменной твердости. Рядом возвышался низкий круглый венец колодца — старый, сложенный из светлых камней, с темными полосами сырости между ними. Над колодцем стояла грубая деревянная рама с воротом. От ворота вниз уходила веревка. Вевка была мокрой.

Рядом с колодцем находилась подставка.

Не стол и не лавка. Низкая каменная плита на двух опорах, потемневшая от воды и времени. На ее верхней поверхности темнел ровный круг — мокрый след от большого сосуда. Вокруг круга блестели свежие брызги. Вода стекала с края плиты тонкой струйкой и падала на землю тем самым звуком, который вернул Илью в сознание.

Кап. Кап. Кап.

Илья хотел поднять голову выше, но боль в затылке вспыхнула так резко, что он застонал. Он осторожно коснулся волос. Пальцы сразу стали липкими.

Кровь.

Он повернул руку и увидел на подушечках темную красную полосу, смешанную с грязью. Потом заметил на углу подставки смазанный след — короткую неровную отметину, будто кто-то ударил по камню мокрой тряпкой.

Не тряпкой.

Головой.

— Так, — выдохнул Илья. — Спокойно.

Собственный голос прозвучал глухо, как в комнате с мягкими стенами. Говорить вслух было легче, чем молчать. Пока он говорил, мир оставался предметом анализа, а не чем-то, что могло раздавить его своей невозможностью.

Первое правило после потери сознания: не делать резких движений. Второе: проверить тело. Третье: восстановить последовательность событий.

Он медленно пошевелил пальцами на руках. Больно, но слушаются. Ноги — тоже. Ребра отозвались тупой болью, но вдох был возможен. Серьезного кровотечения нет. Рана на голове неприятная, но, судя по всему, не смертельная. Тошнота есть. Двоения нет. Зрение возвращается.

— Сотрясение, — сказал он. — Или очень близко к нему.

Слова прозвучали почти профессионально. От этого стало немного легче.

Он огляделся.

Колодец стоял у дороги. Не у большой трассы, конечно, а у светло-глиняного накатанного пути с двумя глубокими колеями. Дорога шла вдоль склона и уходила вниз, к городу. По обе стороны тянулась жесткая высокая трава, местами примятая копытами или колесами. Чуть ниже начинались небольшие обработанные участки земли, разделенные канавами и глиняными валиками.

За ними поднимался город.

Сначала Илья решил, что это деревня с печными трубами, но через несколько секунд понял: слишком большой. Дома стояли плотными ярусами по склону холма. Светлые стены, красновато-коричневые крыши, башенки, длинные навесы, узкие проходы между строениями. Над городом торчали десятки труб — не металлических, а кирпичных или керамических. Из многих шел дым. В нижней части, ближе к реке или каналу, виднелись широкие круглые сооружения, похожие на печи.

Никаких линий электропередачи.

Никаких антенн.

Никаких дорог с машинами.

Илья зажмурился и снова открыл глаза.

Картина не изменилась.

Он попытался найти простое объяснение. Съёмочная площадка? Историческая реконструкция? Закрытый этнографический комплекс? Его выбросило куда-то за пределы института? Бред. Даже при самом фантастическом сценарии аварии он не мог оказаться в другом регионе без транспорта, без следов катастрофы и без людей спасательной службы.

Галлюцинация после травмы?

Возможна.

Он поднял с земли небольшой камень и сжал в кулаке. Острый край впился в кожу. Боль была настоящей. Он сорвал травинку, растер между пальцами. Зеленый сок, терпкий запах. Потом снова провел ладонью по мокрому следу на подставке.

Холодная вода.

Сознание не создает таких деталей. По крайней мере, не настолько устойчиво.

Он полез в карман халата и только теперь заметил, что халат на нем остался. Белый лабораторный халат, теперь испачканный землей, водой и серой пылью. Под ним — рубашка, брюки, рабочий бейдж на ленте. Один рукав был подпален по краю, ткань возле манжеты потемнела и стала жесткой.

Телефон оказался в правом кармане брюк. Экран был целый, но на кнопку не реагировал. Илья зажал питание. Ничего. Еще раз. Черный прямоугольник лежал на ладони как кусок мертвого стекла.

— Ну конечно.

Он машинально посмотрел на часы. Электронный циферблат застыл на бессмысленном наборе сегментов. Не время — обломки времени. Несколько черточек горели там, где должны были быть цифры.

Электромагнитный импульс? Локальный пробой? Перегрузка электроники?

Мысль была привычной, почти спасательной. Если есть физическая причина, значит, есть цепочка. Если есть цепочка, ее можно восстановить.

Он попытался вспомнить последние секунды перед вспышкой.

Максим у бокового пульта. Его голос: «Илья, у нас расхождение по третьему каналу». Красная строка на мониторе. Собственная рука над клавиатурой. Запоздалая догадка — не там компенсировал. Не тот диапазон. Пик на графике, которого не должно было быть. Белый свет.

Не взрыв. Нет. Не ударная волна. Не термическое поражение. Что-то другое. Будто пространство на мгновение потеряло жесткость.

Илья открыл глаза и посмотрел на мокрый круг на подставке.

Круг был слишком правильным. Здесь действительно стоял большой сосуд. Только что стоял. Вода еще не успела высохнуть, брызги еще стекали по камню, а на земле у подставки лежали несколько мелких глиняных крошек. Не черепки, нет. Скорее старые сколы с края. Самого сосуда рядом не было.

Илья нахмурился.

Эта деталь почему-то цепляла сильнее всего.

Он не успел додумать.

Слева, за кустами, хрустнула ветка.

Илья резко обернулся и тут же пожалел: голову пронзила боль. Но страх оказался сильнее боли. Он попытался подняться на ноги, не смог и остался на одном колене, опираясь ладонью о мокрую подставку.

Из-за кустов вышел мальчишка.

Лет четырнадцати, может пятнадцати. Худой, загорелый, с темными волосами, стянутыми сзади коротким кожаным шнурком. На нем была грубая рубаша без воротника, короткая куртка из плотной ткани и штаны, заправленные в мягкие обмотки. Через плечо висела веревочная сумка. В руке он держал длинную палку — то ли посох, то ли инструмент.

Мальчишка увидел Илью и замер.

Илья тоже не двигался.

Несколько секунд они смотрели друг на друга с одинаковым недоверием.

Потом мальчишка перевел взгляд на подставку.

На мокрый круг.

На пустое место, где должен был стоять кувшин.

На Ильин халат.

На кровь у него на виске.

Глаза мальчишки расширились. Он что-то сказал — резко, почти выкрикнул. Илья не понял ни слова. Фраза была короткой, с непривычными глухими согласными и твердым ударением в конце.

— Послушай, — осторожно сказал Илья, поднимая пустую ладонь. — Мне нужна помощь. Я не понимаю, где нахожусь. Ты говоришь по-русски? English? Deutsch?

Мальчишка отступил на шаг.

Пальцы сильнее сжали палку.

— Спокойно, — сказал Илья. — Я не опасен.

Он сам услышал, насколько неубедительно это звучит: взрослый мужчина в грязном белом халате, с кровью у виска, у пустой подставки возле колодца, с непонятной черной пластиной в руке.

Мальчишка снова заговорил. На этот раз медленнее, будто обращался к глухому или дураку. Одно слово повторилось дважды. Или не слово — вопрос.

— ...арен? ...арен?

Илья покачал головой.

— Не понимаю.

Мальчишка ткнул палкой в подставку, потом в мокрый круг, потом в Илью. Интонация стала требовательной. Илья уловил только одно: местный явно связывал его появление с исчезнувшим кувшином.

— Кувшин? — предположил Илья и показал ладонями форму большого сосуда. — Здесь был кувшин?

Мальчишка насторожился.

Илья снова показал округлый бок, узкое горло, две ручки. Мальчишка следил за жестами и бледнел. Потом резко заглянул за подставку, под колодец, обошел вокруг, словно надеялся, что сосуд просто упал или закатился в траву.

Сосуда не было.

Мальчишка вернулся к Илье. Теперь в его взгляде было не только подозрение, но и страх.

Он снова сказал что-то короткое и на этот раз осторожно дотронулся пальцами до собственного затылка. Потом указал на угол подставки, где темнела смазанная кровавая полоса. Потом на Илью.

Илья понял.

— Да, — сказал он. — Ударился. Головой.

Он показал на свой затылок, поморщился и развел руками: мол, не помню.

Это было не совсем ложью. Он действительно не помнил, как оказался у колодца. Он не помнил момента падения, удара, исчезновения сосуда, появления на его месте. Но он слишком хорошо помнил установку, Максима, ошибку и вспышку.

Мальчишка увидел жест и немного расслабился.

Не поверил полностью, но нашел объяснение.

Илья прочитал это по лицу: странный чужак ударился головой о подставку и теперь несет бессмыслицу. Не понимает слов. Не помнит, откуда пришел. Возможно, украл кувшин и сам не понял как. Возможно, болен. Возможно, опасен. Но не обязательно демон из земли.

Это объяснение было неправильным.

Но сейчас оно могло спасти Илье жизнь.

Он ткнул себя пальцем в грудь.

— Илья. И-лья.

Мальчишка молчал.

— Я. Илья.

Тот нахмурился, потом осторожно ткнул себя большим пальцем в грудь.

— Тилен.

Имя прозвучало коротко и твердо.

Илья кивнул, стараясь не делать резких движений.

— Тилен. Хорошо. Уже что-то.

Мальчишка смысла не понял, но интонация, кажется, стала для него менее опасной. Он поднял палку и указал на город внизу. Потом на Илью. Потом снова на город. Произнес несколько слов, из которых Илья выцепил только повторившееся название:

— Келнар.

Илья посмотрел туда, куда указывала палка.

Город дымил печами. Светлые стены лежали на склоне, как высохшие пласты глины. Над крышами медленно поднимался утренний пар или дым. Дорога от колодца вела прямо к нему.

Келнар.

Не институт. Не больница. Не спасательный пункт. Не знакомая страна.

Илья почувствовал, как внутри него что-то сжалось, но не позволил этому чувству развернуться. Паника подождет. Сначала вода, укрытие, связь с людьми. Потом язык. Потом карта. Потом объяснение.

И только потом — невозможное.

Он попытался встать. Ноги дрогнули. Тилен дернулся, будто хотел отступить, но вместо этого быстро подхватил Илью за локоть. Помог неловко, настороженно, одной рукой, другой все еще сжимая палку.

Илья удержался.

— Спасибо, — сказал он.

Тилен не понял слова, но понял тон.

Перед тем как отойти от колодца, Илья еще раз посмотрел на подставку. Мокрый круг уже начал светлеть по краям. Через час он исчезнет. Через день никто, кроме мальчишки, может быть, и не вспомнит, где именно стоял кувшин. Для местных останется простая история: у колодца нашли чужака, ударившегося головой. Он ничего не помнил, говорил бессвязно и не понимал людей.

Но Илья запомнил.

Каменная подставка.

Круг воды.

Колодец у дороги.

Пустое место вместо кувшина.

Он еще не знал, что это место однажды станет для него важнее любой дороги в Келнаре. Еще не знал, что именно сюда будут возвращаться его мысли, когда он начнет искать не город и не людей, а направление домой.

Пока он просто шел вниз по дороге, стараясь не шататься.

Тилен держался рядом, но чуть впереди, словно вел найденного раненого и одновременно боялся, что тот в любой момент окажется не тем, кем кажется.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.